

PAULINA WÓJCIKOWSKA-WANTUCH

Uniwersytet Pedagogiczny im. KEN w Krakowie

 <https://orcid.org/0000-0002-0074-2827>

СТАРЕЦ-МОНАХ-ЧУДОТВОРЕЦ КАК ГЕРОЙ СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ПРОЗЫ

THE ELDER-MONK-MIRACLE MAN AS A HERO OF MODERN RUSSIAN PROSE

This article presents selected literary works by writers of contemporary Russian literature, whose hero is an elder monk or miracle man. In their works, writers such as Lyudmila Petrushevskaya, Evgeniy Vodolazkin, Tikhon Shevkunov and Maya Kucherskaya refer to the genres of religious literature such as patericon, hagiography, and the apothegm. The author's interest in the character, directly referring to the tradition of Fyodor Dostoyevsky and elder Zosima, from the novel *The Brothers Karamazov*, is an expression of longing for national values related to the spiritual culture of Russian Orthodoxy and a reflection of the dialogue between religious and secular literature that is taking place today.

Keywords: monk, starets, spirituality, orthodoxy, contemporary Russian literature, hagiography, Petrushevskaya, Shevkunov, Vodolazkin, Kucherskaya

Миру кажутся безумными, несуразными, анекдотичными истинные подвижники духа, которые за чем-то уходят от людей в непроходимые пустыни, залезают на столпы, становятся юродивыми, годами стоят на коленях на камне, не спят, не пьют, не едят, подставляют оскорбляющим другую щеку, любят врагов, вменяют себя ни во что.

Архимандрит Тихон *Несвятые святые*¹

Одним из персонажей, выделяющихся на фоне новейшей литературы, можно считать старца-монаха. Этот герой неожиданно вторгся в массовое сознание благодаря широко читаемым и признанным произведениям Майи Кучерской, Евгения Водолазкина, архимандрита Тихона (Шевкунова), Дмитрия Балашо-

¹ Архимандрит Тихон, «*Несвятые святые*» и другие рассказы, ОЛМА Медиа групп, Москва 2012, с. 143.

ва, Олеси Николаевой и других современных писателей. Русский старец-монах снова появился в литературе XXI века, продолжая традицию русской классической прозы XIX века и восстанавливая неоагиографическую тенденцию в русской литературе, наличие которой в начале XX века отмечает среди прочего Анна Возняк². Присутствие его в сегодняшнем литературном дискурсе отмечает Дмитрий Бычков, автор монографии *Агиографический дискурс в современной русской прозе*³.

Похоже, что старец-монах, как и «лишний человек» или фольклорный Иван-дурак является одним из тех образов, который идентифицируется как типично русский и определяется словами «православный» и «народный». Обратим внимание на то, что Андрей Синявский в работе *Иван-дурак — очерк русской народной веры* называет старцев идеалом русской святости и ставит вместе с юродивыми в один ряд Божиих подвижников⁴. Предположительно, «юродство» и «старчество» являются двумя столпами русского православия, создают его локальный колорит и, как пытается доказать Эва Томпсон в работе *Understanding Russia: the Holy Fool in Russian Culture* (1987), формируют национальный характер⁵. Важно помнить, что феномен «старчества», под которым мы подразумеваем особый вид духовного наставничества, опирающегося на авторитет монаха-аскета, принадлежит не исключительно русской народной культуре, но прежде всего культуре церковной. Своими корнями «старчество» уходит к древнехристианскому движению египетских монахов. Постепенно под влиянием исихастской⁶ практики

² A. Woźniak, „Russkij inok”, czyli o monastycyzmie w prozie Aleksego Riemizowa, „Roczniki Humanistyczne” 1996, t. XLIV, z. 7, s. 269–271. На тему неоагиографических мотивов в русской литературе см.: U. Wójcicka, *Hagiografia staroruska w kręgu pisarzy rosyjskich XIX wieku (z badań nad tradycjami piśmiennictwa staroruskiego w nowożytnej literaturze rosyjskiej)*, Wydawnictwo Uczelniane WSP, Bydgoszcz 1983; M. Ziolkowski, *Hagiography and Modern Russian Literature*, John Wiley&Sons, Princeton 1988.

³ Д. Бычков, *Агиографический дискурс в современной русской прозе*, Издательство АГТУ, Астрахань 2015.

⁴ А. Синявский, *Иван-дурак. Очерк русской народной веры*, Аграф, Москва 2001, с. 146–147.

⁵ E. Thompson, *Zrozumieć Rosję. Święte szaleństwo w kulturze rosyjskiej*, tłum. E. Litak, Teologia Polityczna, Warszawa 2019, с. 267–268.

⁶ Огромное значение для развития «старчества» на Руси имела деятельность монаха Нила Сорского (1433–1508), автора *Устава скитской жизни*. См.: J. Kuffel, *Hezychazm Rusi Moskiewskiej. Metoda interpretacji na podstawie*

«старчество» приобрело в России общенародные черты и стало уникальной практикой — институтом, соединяющим религиозный мир с миром светским⁷.

Массовый, народный культ старцев нашел отражение в русской литературе XIX и XX вв. в произведениях Федора Достоевского, Льва Толстого, Николая Лескова, Алексея Ремизова и прочих, а также в живописи Михаила Нестерова, Виктора Васнецова и Бориса Кустодиева. Старец Зосима — герой романа Достоевского *Братья Карамазовы*, стал образцом старца-монаха в литературе. Интересное замечание по поводу продолжительного существования этого типа героя в литературной традиции делает Иоанна Новаковска-Оздоба. Исследовательница утверждает, что старец Зосима обладает мифотворческим потенциалом и реализует древнейший, еще дохристианский, архетип старого мудреца⁸, разнообразно трансформированный в культуре всего мира. На связь старца с языческим прообразом намекает также Василий Розанов:

В том смысле и значение старчества и состоит, что, воскресив в себе как бы волхва древнего, который с волею небесною дружен, старец входит в жизнь людей добрым волшебством, с магическою заклинательною силою: заклинательною против дурного и как бы открывающего рог изобилия для хорошего⁹.

Что касается мифотворческого потенциала, еще более интересным кажется вопрос, почему именно в новейшем литературном дискурсе заново возрос интерес к фигуре старца-монаха. Во-первых, ответ можно искать в истории русской культуры, а точнее, Православной Церкви. В советские времена культ старцев затих на несколько десятков лет из-за гонений, направленных против Церкви, но не исчез совсем. Свобода вероисповедания, которая наступила после распада СССР (отметим, что массовое возвращение в Церковь, связанное с кризисом марксистского мировоззрения, началось еще

wybranychabytków literatury przekładowej i oryginalnej, Promo, Kraków 2013, 610 с.

⁷ Э. Николаев, Н. Ротач, *Социокультурные аспекты старчества и старческого служения*, «Отечественный опыт» 2010, № 7, с. 140–143

⁸ J. Jacobi, *Psychologia C.G. Junga*, przedm. C.G. Jung, tłum. G. i G. Glodek, Wydawnictwo Zysk i Spółka, Poznań 2014, с. 145–148, 167–168.

⁹ В. Розанов, *Около церковных стен*, Республлка, Москва 1995, с. 290.

во время Перестройки¹⁰) способствует возрождению не только официальной Церкви, но и народной массовой духовности, в том числе и культа старцев¹¹. Литература чувствительно реагирует на любые общественные перемены. Отсюда и бурное оживление в области религиозной литературы, предназначенной для верующих православных, которая выходит в православных издательствах, а также появление религиозной темы в светской, мейнстримной литературе.

Во-вторых, возвращению старца-монаха-чудотворца в качестве литературного героя способствует состояние российской литературы, ищущей духовных ориентиров, моральных ценностей, порядка и авторитетов после постмодернистского кризиса. Как отмечают критики Ольга Лебедушкина, Наталья Иванова, Валерия Пустовая и Сергей Чупринин¹², в конце 90-ых годов XX и в начале XXI века наступил ренессанс фольклорных жанров: сказки, притчи, мифа и жития. Вместе с ними трансформировались образы народных героев, возрос интерес к славянским богам и православным, русским святым. Обращение к фигуре русского монаха можно также считать признаком традиционалистского мышления, видом актуализации национальных мифов, связанных с народной православной верой. В этом контексте верно замечает Наталья Ковтун:

Разочарование в проекте глобализма и художественных перспективах постмодернизма породили ностальгию по ценностям национального, желание

¹⁰ Явление религиозного возрождения и массового прихода интеллектуалов в церковь в 80. годы описывает в сборнике *Несвятые святые* архимандрит Тихон (Шевкунов) в главе *Начало*. См.: Архимандрит Тихон, *Несвятые святые...*, там же, с. 9–19.

¹¹ Подробнее на тему «старчества» в XX веке: М. Громько, *Обращение к старцам в духовной жизни русских XX века*, Паломник, Москва 2015; Л. Ильюнина, *Золотая цепь старчества. Русское старчество XX века*, Искусство России, Санкт-Петербург 2012.

¹² О. Лебедушкина, *Шехерехада жива, пока...*, «Дружба народов» 2007, № 3, <http://magazines.russ.ru/druzhiba/2007/3/1e12.html> (30.11.2021); Н. Иванова, *Ultra-fiction, или Фантастические возможности русской словесности*, «Знамя» 2006, № 11, <https://magazines.gorky.media/znamia/2006/11/ultra-fiction-ili-fantasticheskie-vozmozhnosti-russkoj-slovesnosti.html> (30.11.2021) С. Чупринин, *Еще раз к вопросу о картографии вымысла*, «Знамя» 2006, № 11, <https://magazines.gorky.media/znamia/2006/11/eshhe-raz-k-voprosu-о-kartografii-vymysla.html> (30.11.2021). В. Пустовая, *Свято и тать*, «Новый мир» 2009, № 3, https://magazines.gorky.media/novyi_mi/2009/3/svyato-i-tat.html (30.11.2021).

устойчивости, сильного героя, способного указать выход из исторического тупика, предотвратить экологическую катастрофу¹³.

Заметим, что произведения, повествующие о старцах-монахах, написанные в течение последнего двадцатилетия, относятся к разным литературным жанрам. Среди них документальный рассказ (архимандрит Тихон [Шевкунов] *Несвятые святые*, Олеся Николаева *Небесный огонь*), беллетризованная биография (Дмитрий Балашов *Похвала Сергию*), притча и анекдот (Майя Кучерская *Современный патерик*), роман (Евгений Водолазкин *Лавр*), роман в стихах (Олеся Николаева *Августин*), рассказ о чудесном (Людмила Петрушевская *Завещание старого монаха*). Главное, что все вышеупомянутые тексты объединяет ориентация на житие святого как источник.

Хронологически первым из текстов, выбранных мной для анализа, следует считать рассказ Людмилы Петрушевской. Общеизвестная автор чернушных рассказов и пьес, а сегодня «главная сказочница русской словесности»¹⁴, поэтесса и певица, в 2000 году написала рассказ, озаглавленный *Завещание старого монаха*. Впервые этот текст был напечатан в журнале «Октябрь», потом еще десять раз входил в разные сборники¹⁵. В рассказе изложена история чуда, произошедшего по благословению монаха Трифона, одного из обитателей бедного монастыря. Людмила Петрушевская кратко характеризует героя, подчеркивая именно те черты, которые вписывают Трифона в каноничный образ старца-монаха. В соответствии с древними сказаниями о святых подвижниках, Трифон является очень добрым, смиренным, кротким и милосердным человеком: «[...] он с Богом разговаривал [здесь и далее курсив мой – П.В.-В.] постоянно»¹⁶, «Старый монах бродил без усталости по дорогам, заходил в села, в городки, стоял на солнцепеке или на морозе, ма-

¹³ Н. Ковтун, *Русская традиционалистская проза XX–XXI вв: генезис, мифопоэтика, контексты: учеб. пособие*, Флинта: Наука, Москва 2017, с. 13.

¹⁴ О. Лебедушкина, *Шехерехида жива, пока...*, <http://magazines.russ.ru/druzhba/2007/3/le12.html> (30.11.2021).

¹⁵ В 2003 и 2018 гг. название этого рассказа стало заглавием сборника. Л. Петрушевская, *Завещание старого монаха*, Вагриус, Москва 2003; Л. Петрушевская, *Волшебные истории. Завещание старого монаха*, Эксмо, Москва 2018.

¹⁶ Л. Петрушевская, *Волшебные истории...*, с. 10.

ленький и иссохший, и шептал молитву [...]»¹⁷; «Монах и спал там же, где просил, в ямке, как собачонка, не уходя с одного места по несколько суток»¹⁸. Отец Трифон хочет помочь несчастной женщине и ее больному ребенку. Он дает матери мальчика завет, чтобы она весь месяц молилась на том месте, где его в будущем убьют. Согласно завету, два разбойника вскоре убивают Трифона в лесу, но оказывается, что спасительная жертва монаха приносит благо не только чудесно выздоровевшему мальчику, но и всем жителям местности. Чудо приводит также к покаянию убийц Трифона, которые прячутся в трифоновом монастыре. Дополнительно в рассказе изображено рождение массового культа святого старца, к которому надеясь на очередное чудо обращаются массы как праведных или неправедных людей:

[...] целые процессии тронулись по верхней дороге, везли больных, шли попросить у святого Трифона кто жениха, кто богатства, кто освобождения из тюрьмы, а кто и Божьего наказания обнаглевшему соседу.

Монахи из горного монастыря поставили часовню у святой могилы, к ним стал стекаться народ, тут же мэр города построил гостиницу для приезжих из других мест, наладилась продажа воды из ручья, елку оградил, за вход брали плату, но все это не коснулось монастыря. Монахи его жили все той же жизнью, ничего не ели, а все добро раздавали бедным¹⁹.

Стоит обратить внимание, что в приведенном фрагменте Людмила Петрушевская сопоставляет действительность светских людей (материальную) с построенным по другим ориентирам, духовным и неземным миром монахов. Старец Трифон является реализацией модели героя праведника²⁰, воплощающего нравственный идеал Петрушевской. Как отмечает Дарья Рыкова:

Идеальным, по Петрушевской, считается человек тихий, кроткий, смиренный, но стойкий внутренне, переносящий страдания и, в то же время, сво-

¹⁷ Там же, с. 10.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же, с. 18.

²⁰ В характере типа героя-праведника автором диссертации рассматриваются также главная героиня рассказа *Я люблю тебя* и Аня из рассказа *Стена*. См.: Д. Рыкова, *Творчество Людмилы Петрушевской. Проблема авторского идеала в контексте христианской культурной традиции*, Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Ульяновск 2007, с. 14–15.

бодный. Подобные качества определяли героев древнерусской литературы христианской направленности²¹.

Еще одной писательницей, обратившейся к теме духовности и старчества, является представительница младшего поколения Майя Кучерская, автор отмеченных критикой и вызвавших бурное обсуждение романов *Бог дождя* (2006) и *Тетья Мотя* (2012), а также биографии Николая Лескова *Прозванный гений* (2021) вышедшей в серии ЖЗЛ. Книга *Современный патерик. Чтение для впавших в уныние* была издана впервые в 2004 году в журнале «Знамя» а потом многократно переиздавалась²², вызывая прямо противоположные оценки у читателей и критиков. О книге, награжденной Бунинской премией, положительно высказываются Ирина Родянская и Сергей Чупринин в отличие от Алексея Бакулина, который в рецензии, озаглавленной *Чужебесие*, написал: «Никогда еще так не жалел о потерянном времени, как после прочтения книги Майи Кучерской»²³. Сама писательница в интервью заявляет, что писала книгу с намерением освоить православную тему для современного читателя:

«Патерик» – именно такое пробивание головой (и она у меня до сих пор болит) стены, стоящей между верующими и неверующими, церковными и нецерковными людьми. Попытка сказать и тем, и другим: «всюду жизнь»²⁴.

Однако произведение Кучерской оказалось слишком пародийным для некоторых верующих, ожидающих текста, который бы продолжил традицию древних патериков, как, например, египетский *Лавсаик* (V в.), *Римский Патерик* (X в.) или русский *Киево-печерский Патерик* (XI в.). Майя Кучерская намеренно нарушает условности агиографического жанра и обращается к эстетике пародии вместо религиозного пафоса. В предисловии к книге подчеркивает нарочитую литературность текста:

Книжку, которую читатель держит в руках, следует числить совсем по другому ведомству – ведомству изящной словесности. Да, отдельные историче-

²¹ Там же, с. 14.

²² М. Кучерская, *Современный патерик: Чтение для впавших в уныние*, Время, Москва 2005, 2007, 2008.

²³ А. Бакулин, *Чужебесие*, <http://www.pravpiter.ru/pspb/n155/tao19.htm> (30.11.2021).

²⁴ М. Кучерская, *Все наши письма — автопортреты души*, беседовал К. Мильичин, 08.08.2017, litkarta.ru/rus/dossier/vse-nashi-pisma/dossier_677/ (30.11.2021).

ские персонажи в «Современном патерике» присутствуют, и все они, кстати, названы своими именами, но даже про них автор рассказывает небывлицы²⁵.

Итак, в *Современном патерике* преобладает стилизация под фольклорный рассказ. Тексты собраны в пятнадцать циклов, составленных по тематическому или жанровому признаку. Жанр небывлицы (волшебной истории) и анекдота перемешан с жанром жития святого и притчи. Возобновляется Майей Кучерской также жанр апофегмы, восходящий к византийскому источнику *Apophthegmata Patrum* (IV–VI в.)²⁶. В *Современном патерике* представлен коллективный герой, собирательный образ православной братии, которую составляют монахи, монахини, приходские батюшки, старцы, молодые послушники и прихожане и т.д. Несомненно, патерик Майи Кучерской отличается от древнего образца шуточный, пародийный характер и такой же способ описания героев. Фигуры богомольных старцев перемешиваются с юмористическими образами батюшек-людоедов, гомеопатов, пьяниц, и клептоманов. Все портреты лишены свойственного агиографии пафоса:

Рассказывали про авву Аверкия, что часто он натыкался на стены и разные предметы, имея много синяков на теле и даже лице, ибо ум его был занят созерцанием²⁷.

Один батюшка был людоедом. Приходит к нему человек на исповедь, а домой уже не возвращается. Приходит молодая пара венчаться — и исчезает навеки [...]. Только в посты все было благополучно, люди у него исповедовались, крестились, соборовались без всяких исчезновений²⁸.

Сказывали об отце Иеремии, что при нем состоял специальный келейник, который каждый час менял авве носовые платки, — так много тот плакал²⁹.

Относительно последнего приведенного фрагмента, заметим, что в тексте идет речь о «духовном плаче», то есть, об особом

²⁵ М. Кучерская, *Современный патерик...*, с. 5.

²⁶ Русское заглавие: *Изречения египетских отцов, Достопамятные сказания о подвижничестве святых и блаженных отцов*. Апофегма, т.е. краткое и меткое наставительное изречение или нравоучительная сентенция. См.: *Православная энциклопедия*, Патриарх Московского и всея Руси Кирилл (ред.), <https://www.pravenc.ru/text/75770.html> (дата обращения 30.11.2021).

²⁷ Там же, с. 8.

²⁸ Там же, с. 18.

²⁹ Там же, с. 9.

виде благодати, которая очищает душу человека, приближая его к Богу. «Слезы монаха – это ступени в Царствие Небесное, а также раскаяние за греховность всего рода человеческого»³⁰. Следует особо подчеркнуть, что прием писать с юмором о святом и серьезном автор использует в сборнике очень часто. Свободу смешивать непостижимо глубокое с неприкрыто абсурдным отмечает в своей рецензии на книгу в «Новом мире» Ирина Роднянская³¹. Следовательно, это позволяет причислить *Современный патерик*, не только к агиографической, но и к сатирическо-пародийной литературной традиции.

Можно предположить, что если центральным для *Современного патерика* является желание в увлекательной форме объяснить монастырскую, противоположную мирской, логику читателям, «впавшим в уныние» и одновременно сделать церковную тему близкой неверующим, то образы старцев-монахов и прозорливых монахинь полностью этому желанию автора подчинены. Поэтому образы героев *Современного патерика* выстроены традиционно, по православной схеме, но притом «освоены» для современного дискурса. Старцы-монахи Майи Кучерской, с одной стороны, святые, но, с другой, смешные, не идеальные, близкие несовершенству обыкновенного человека — одним словом, «несвятые-святые».

Архимандрит Тихон (Шевкунов), в миру Георгий Александрович Шевкунов, именно так озаглавил свой сборник монастырских рассказов. Книга *Несвятые святые* изданная в 2011 году, стала настоящим бестселлером – она переведена на 13 иностранных языков (в том числе и на польский³²), выдержала 24 издания (до 2019 года) и была продана в количестве более чем 3 000 000 экземпляров в России. В 2012 году сборник вышел в финал премии «Большая книга» и победил в читательском голосовании. Учитывая эту никем не ожидавшуюся популяр-

³⁰ *О чем плачут афонские старцы: игумен Ватопедского монастыря – о благодати духовного плача*, UNIAN Информационное агентство, 14.11.2017, <https://religions.unian.net/afon/2241491-o-chem-plachut-afonskie-startsy-igumen-vatopedского-monastyrya-o-blagodati-duhovnogo-placha.html> (30.11.2021).

³¹ И. Роднянская, *Книжная полка Ирины Роднянской*, «Новый мир» 2004, № 8, https://magazines.gorky.media/novyi_mi/2004/8/knizhnaya-polka-iriny-rodnyanskoj-4.html (30.11.2021).

³² Archimandryta Tichon, *Nieświęci święci i inne opowiadania*, przeł. K. Tur, Wydawnictwo Bratczyk, Hajnówka 2014.

ность книги православного священника, ее надо рассматривать не только как литературный, но и культурный феномен. Алексей Варламов отмечает:

Думаю, этот успех больше никем не может быть повторен. Разгадка чуда, может быть, в самих героях книги — старцах, подвижниках, святых людях. Может быть, это их воля, их воздействие³³.

Несмотря на наличие фантастических³⁴ эпизодов, сборник *Несвятые святые* имеет документальный, автобиографический характер, он ориентирован на традицию церковной литературы, в том числе, на творчество протоиерея Алексея Лисняка, автора сборника рассказов *Праздник жизни* (2003). По определению Евгения Абдулаева, книга архимандрита Тихона является примером православной «бородатой литературы», к которой тоже следует причислить роман *Флавиан* (2012) о. Александра Торика и поэзию о. Сергия Крутлова³⁵. Направленность на проповеднический и нравоучительный характер текста отличает ее от вышеупомянутых литературных, «безбородных»³⁶ произведений Людмилы Петрушевской, Майи Кучерской или романа *Лавр* Евгения Водолазкина. С другой стороны, все указанные тексты, в том числе и сборник *Несвятые святые*, обладают таинственной и светлой атмосферой чуда, описывают «иную реальность мира ангелов и бесов»³⁷. Поэтому сборник архимандрита Тихона Майи Кучерская определяет термином «православные сказки», особенно подчеркивая структурные сходства между этими жанрами.

[...] его истории полны не только экзотического материала, но и мистики. Это всегда привлекало массового читателя, неизменно тянущегося к чудесному и таинственному.

³³ А. Варламов, *Думаю, этот успех больше никем не может быть повторен*, «Русская народная линия» 26.12.2012, <http://www.bigbook.ru/smi/detail.php?ID=14935> (30.11.2021).

³⁴ Речь идет о рассказах, в которых автор описывает вмешательство потусторонних сил (ангелов и бесов) или логически необъяснимые совпадения а также чудеса происходящее по благославлению старцев. Такие случаи представлены в главах: *Начало*, *При ангела Хранителя*, *Черный пудель*, *Случай на дороге*, *Свеча* и др.

³⁵ Е. Абдулаев, *Литература «бородатая» и «безбородная»*, «Дружба народов» 2017, № 12, с. 215–218.

³⁶ Применяю определение Евгения Абдулаева, под которым подразумевается светская, безрелигиозная литература. См. Е. Абдулаев, *Литература «бородатая» и «безбородная»...*, с. 218.

³⁷ Определение автора статьи П.В.-В.

СТАРЕЦ-МОНАХ-ЧУДОТВОРЕЦ...

Словом, архимандрит Тихон написал самые настоящие православные сказки. О богатырях-батьюшках, бесстрашно сражающихся с советскими чиновниками, саму Фурцеву отправивших чуть не на три буквы, и с врагом человеческого рода лицом к лицу. Для миллионного читателя не так важно, правда это или нет. Важно, что побеждает добро. И пусть Бог временами выглядит в «Несвятых святых» довольно мстительным – но ведь и в сказках «плохиши» всегда наказаны³⁸.

Возвращаясь к теме героев сборника, архимандрит Тихон повествует о жизни монахов, обитавших в Псково-Печерском монастыре, среди которых старец Иоанн Крестьянкин (главный герой сборника), отец Гавриил, отец Нафанаил, отец Антипа, отец Серафим, схигумен Мелхиседек, наместник Алипий, Матушка Фрося и многие другие. Это реальные лица, лично знакомые автору, поэтому истории убедительны, даже если приводятся примеры чудотворений старцев, их прозорливости и видений³⁹. Как известно, жанр жития прямо требует свидетельств божественной благодати, которой обладают святые, и с помощью которой совершаются чудеса. Всех описываемых Шевкуновым старцев-монахов объединяют черты, традиционно отличающие святых отшельников т.е. смирение перед Богом и людьми, покаяние в грехах, аскетизм и погружение в молитву. Примером может служить описание духовных подвигов отца Серафима:

Все годы жизни в монастыре отец Серафим довольствовался лишь самым малым. И не только в еде, во сне и в общении с людьми. Например, в бане он никогда не мылся под душем, ему хватало двух–трех шаек воды. Когда послушники спросили у него, почему он не использует душ, ведь там воды сколько угодно, он буркнул, что под душем мыться — все равно что шоколад есть⁴⁰.

Отличаются монахи друг от друга «человеческим» — у отцов разные характеры (Нафанаил определяется как вредный, Гав-

³⁸ М. Кучерская, «Несвятые святые: Архимандрит Тихон подарил читателям сказку», Ведомости 28.12.2012, https://www.vedomosti.ru/lifestyle/articles/2012/12/28/nalevo_skazki_govorit (30.11.2021).

³⁹ Случай схигумена Мелхиседека самый показательный. Монастырскому столяру, игумену Михаилу явилась Матерь Божия и указывая на разбросанную мебель сказала: «Ты монах, мы ждали от тебя главного — покаяния и молитвы. А ты принес лишь это...». После видения игумен Михаил совсем поменял образ жизни, оставил работу и принял великую схиму и имя Мелхиседек (высшую степень отречения от мира). Архимандрит Тихон, *Несвятые святые...*, с. 105–113.

⁴⁰ Там же, с. 78.

риил жестокий) и способности (Алипий — бывший фронтовик, защищает обитель, не давая властям закрыть ее). Особое внимание уделяет автор Иоанну Крестьянкину, известному по всей России старцу-духовнику. Архимандрит Тихон пишет о нем, что это «один из очень немногих людей на земле, для которых раздвигаются границы пространства и времени, и Господь дает им видеть прошлое и будущее, как настоящее»⁴¹. Он был не просто мудр, а еще одарен даром познания будущего, поэтому способен давать советы незнакомым ему людям.

Важно отметить, что одним из главных героев сборника является и сам автор. Он растворяется в пространстве рассказов, когда в центр повествования ставит других монахов, однако именно его глазами мы видим окружающую действительность и его личный опыт становится основой сюжета. Архимандрит Тихон является выпускником ВГИК, это человек образованный, тонко чувствующий, талантливый, который искал Бога со студенческих лет и нашел Его в Псково-Печерском монастыре. Несомненно, это герой истинно верующий и смотрящий на мир сквозь призму Евангелия.

Евангельскую основу имеет также снискавший успех у читателей роман Евгения Водолазкина *Лавр. Неисторический роман*, о котором автор говорит, что это «олитературенное житие святого целителя»⁴². Модернистский и неомифологический⁴³ текст писателя-филолога и знатока Средневековья сравнивают с романом Умберто Эко⁴⁴. Книга была издана в 2012 году и получила важнейшие литературные премии: «Ясная Поляна» в номинации «XXI век», «Большая книга» и «Национальный бестселлер» (финал). Роман был переведен более чем на тридцать языков. По версии газеты «Guardian» он вошел в топ-10 лучших книг мировой литературы о Боге⁴⁵. Причин успеха можно назвать много: увлекательный сюжет, разыгрывающийся во времена Средневековья; интереснейший, стилизованный под древнерусский язык

⁴¹ Там же, с. 40.

⁴² «Школа злословия», Евгений Водолазкин, Эфир 26.06.2013, <https://www.youtube.com/watch?v=EbIZtY31bD8> (30.11.2021).

⁴³ О. Неклюдова, *Карта контекстов. Роман Е. Водолазкина «Лавр»*, «Вопросы литературы» 2015, № 4, с. 119–130.

⁴⁴ Е. Водолазкин, *Париж я люблю бесконечно — как всякий русский*, беседала К. Гулина, RFI 19.03.2018 <https://www.rfi.fr/ru/rossiya/20180319-pisatel-evgenii-vodolazkin-parizh> (30.11.2021).

⁴⁵ *Top 10 novels about God*, «The Guardian», <https://www.theguardian.com/books/2017/dec/06/top-10-novels-about-god> (30.11.2021).

романа; универсальная тематика бессмертия, времени, любви, пути, покаяния. Павел Басинский называет роман филологическим и одновременно «глубоко русским»⁴⁶. На национальный элемент и введение церковной темы обращает внимание также Алена Солнцева⁴⁷.

Интересно, что роман Евгения Водолазкина рассказывает историю жизни одного человека, но в действительности мы имеем дело с четырьмя разными героями. Когда целитель Арсений меняет имя, меняется и он сам. Монах Иннокентий при поступлении в Белозерский монастырь спрашивает Арсения: «Сколько же жизней ты будешь проживать отныне одновременно?»⁴⁸. Личность героя напоминает мозаику⁴⁹, рассыпавшуюся на части:

Я более не ощущаю единства моей жизни, сказал Лавр. Я был Арсением, Устином, Амвросием, а теперь вот стал Лавром. Жизнь моя прожита четырьмя непохожими друг на друга людьми, имеющими разные тела и разные имена⁵⁰.

Существенно, что Водолазкин создает образ своего персонажа на основе реальных прототипов — Ксении Петербургской и Варлаама Керетского⁵¹ в сюжет включены многочисленные мотивы из житий православных святых (например, Василия Блаженного или Арсения Новгородского)⁵².

На протяжении романа мы наблюдаем как герой достигает истинной святости, стремится к совершенству. Процесс формирования личности святого отражен в мысленных диалогах героя с усопшей Устиной. Итак, Арсений, с историей которого мы знакомимся в первой из четырех книг, «Книге познания», представ-

⁴⁶ П. Басинский, *Светящаяся тьма*, «Российская газета» 26.11.2021, <https://rg.ru/2012/11/26/basinskij.html> (30.11.2021).

⁴⁷ А. Солнцева, *Большая книга: увенчанный «Лавр»*, РИА новости 27.11.2013, <https://ria.ru/20131127/980106974.html> (30.11.2021).

⁴⁸ Е. Водолазкин, *Лавр. Неисторический роман*, АСТ, Москва 2017, с. 374.

⁴⁹ А. Д. Маглий, *Жанровое своеобразие романа Евгения Водолазкина «Лавр»*, «Вестник московского университета». Сер. 9. Филология, 2015, № 1, с. 181.

⁵⁰ Е. Водолазкин, *Лавр...*, с. 401.

⁵¹ В интервью, которое взяла у писателя Татьяна Толстая в программе «Школа злословия» на канале НТВ, Евгений Водолазкин указывает на Ксению Блаженную, Варлаама Керетского, https://www.youtube.com/watch?v=_kvSfr6DbCo (30.11.2021).

⁵² См.: А. Камалова, *Духовность и святость в романе Евгения Водолазкина «Лавр»*, «Acta Polono-Ruthenica», № XXIII/4, Olsztyn 2018, с. 19–32.

ляет собой тип праведника, мудреца, целителя, работающего для блага людей, но не до конца понимающего суть Евангелия. Арсений совершает великий грех, вследствие которого погибают Устина и младенец. В «Книге отречения» герой принимает имя Устин и становится удаляющимся от мира аскетом и юродивым, унижающим себя перед людьми и Богом:

Насколько же я гадок [...]. И даже собаки, раз они ушли не хотят иметь со мной дела. И самому мне мерзко мое грязное и посиневшее тело⁵³.

Герой знает о своем ничтожестве, мучает тело во имя искупления грехов, однако, несмотря на молитву, духовные подвиги и служение людям, не может найти покоя. Следующее имя, Амвросий, герой принимает в честь своего спутника в Иерусалим. Объехав всю Европу, паломники переносят тяжелые испытания. Итальянец Амброджио погибает мученической смертью. Последнее имя, которым нарекается герой, — это Лавр. В этот момент он становится отшельником, который смирился с самим собой, искупил свой грех и достиг внутренней покоя. Старец Лавр служит людям, пророчествует, исцеляет, изгоняет бесов. Его смерть является доказательством его великого смирения и святости. Перед кончиной Лавр завещал старцу Алипию:

Когда я покину мое тело, им же согрешил есмь, не церемоньтесь с ним особенно. Привяжите к ногам веревку и тащите его в болотную дебрь на растерзание зверям и гадам⁵⁴.

Похороны состоялись согласно последнему желанию монаха Лавра, но попрощаться с ним пришла «вся Русская земля» а люди рыдали и обливались слезами.

Следует еще добавить, что героя романа *Лавр* сопровождают другие герои, подобные ему. Делу травника учится Арсений у Христофора, путешествует с братьями Гуго и Жаном, советов ищет у старца Иннокентия, юродствует с Фомой и Карпом. Отсюда можно сделать вывод, что путь Арсения к святости универсален и мог быть, был и будет повторен еще многими.

В заключение отметим, что в отличие от *Современного патерика* Майи Кучерской, роман *Лавр* Евгения Водолазкина сохра-

⁵³ Е. Водолазкин, *Лавр...*, с. 203.

⁵⁴ Там же, с. 433.

няет серьезность и пафосную атмосферу, свойственную агиографической литературе, возобновляя классический библейский мотив покаяния и искупления грехов и продолжая литературную традицию Федора Достоевского. Учитывая слова автора, высказанные в программе *Школа злословия* на канале НТВ, он неслучайно обратился к герою, который живет по совсем другим принципам, чем современный гражданин России. Персонаж святой-монах, олицетворяющий духовную жизнь, является противоположным культуре потребительства и знаком протеста против современного культа успеха⁵⁵.

Указанные мною примеры никак не исчерпывают темы героя старца-монаха в современной литературе⁵⁶. В этом ключе можно тоже рассматривать и последний роман Евгения Водолазкина *Оправдание Острова* (2021) о жизни праведников Ксении и Парфения и сборник православных рассказов Олеси Николаевой *Небесный огонь* (2012). Кроме того, на жанр жития святого ориентированы романы *Дурочка* (1998) Светланы Василенко и *Даниэль Штейн, переводчик* (2006) Людмилы Улицкой, а также биография Льва Толстого *Бегство из рая* (2010) авторства Павла Басинского.

Подытоживая сказанное, отметим, что возвращение героя старца-монаха-чудотворца в современный литературный дискурс оказывается выражением тоски по национальному и одновременно духовному. Авторы, представляющие крайне разные поэтики, актуализируют традиционный образ старца-монаха и рассматривают его в качестве идеала по контрасту с современной потребительской, материальной культурой. Таким образом литература заново осваивает церковные темы после вызванного историческими обстоятельствами перерыва, и этот процесс, по замечанию Евгения Абдулаева, является двусторонним:

Если говорить о литературе, то диалог все же происходит. То с одного, то с другого края возникают попытки заполнить зияющую середину. То «бородатая» литература отходит от стиля семинарских прописей и благостного неославянофильства и пытается говорить более «скромным» языком

⁵⁵ Е. Водолазкин, «*Школа злословия*»...

⁵⁶ Важно отметить, что тема не чужда русской новейшей кинематографии. Вспомним знаменитый фильм Павла Лунгина *Остров* (2006). Сценарий был написан Дмитрием Соболевым по схеме: преступление — раскаяние — искупление. Фильм рассказывает историю юродивого монаха — отца Анатолия (в этой роли Петр Мамонов).

современной литературы. То «безбородая» оставляет свой скепсис, иронию и интерес к устройству быта детородных частей⁵⁷.

В этом диалоге между православной и художественной литературой самым значимым является всплеск интереса массовой культуры к духовному миру человека. Итак, обращение к фигуре старца-монаха-чудотворца в литературе XXI века можно считать одним из способов затронуть тему духовного формирования и совершенствования личности на почве русской православной культуры.

REFERENCES

- Abdulayev, Yevgeniy. "Literatura 'borodataya' i 'bezborodnaya'." *Druzhba narodov* 2017, no. 12: 215–218 [Абдулаев, Евгений. "Литература 'бородатая' и 'безбородная'." *Дружба народов* 2017, no. 12: 215–218].
- Arkhimandrit Tikhon. *Nesvyatyue svyatyue' i drugiye rasskazy*. Moskva: OLMA Media grupp, 2012 [Архимандрит Тихон. *'Несвятые святые' и другие рассказы'* Москва: ОЛМА Медиа групп, 2012].
- Bakulin, Aleksey. "Chuzhebesiye" [Бакулин, Алексей. "Чужебесие"] <<http://www.pravpiter.ru/pspb/n155/ta019.htm>>.
- Basinskiy, Pavel. "Svetyashchayasya t'ma." *Rossiyskaya gazeta*, 26.11.2021 [Басинский, Павел. "Светящаяся тьма." *Российская газета*, 26.11.2021] <<https://rg.ru/2012/11/26/basinskiy.html>>.
- Bychkov, Dmitriy. *Agiograficheskiy diskurs v sovremennoy russkoy proze*. Astrakhan': Astrakhanskiy universitet, 2015 [Бычков, Дмитрий. *Агиографический дискурс в современной русской прозе*. Астрахань: Астраханский университет», 2015].
- Gromyko, Marina. *Obrashcheniye k startsam v dukhovnoy zhizni russkikh XX veka*. Moskva: Palomnik, 2015 [Громыко, Марина. *Обращение к старцам в духовной жизни русских XX века*. Москва: Паломник, 2015].
- Il'yunina, Lyudmila. *Zolotaya tsep' starchestva. Russkoye starchestvo XX veka*. Sankt-Peterburg: Iskusstvo Rossii, 2012 [Ильюнина, Людмила. *Золотая цепь старчества. Русское старчество XX века*. Санкт-Петербург: Искусство России, 2012].
- Jacobi, Jolande. *Psychologia C.G. Junga*. Transl. Glodek, Grażyna & Gregor. Poznań: Wydawnictwo Zysk i S-ka. 2014.
- Kamalova, Alla. "Dukhovnost' i svyatost' v romane Yevgeniya Vodolazkina 'Lavr'." *Acta Polono-Ruthenica* 2018, no. XXIII/4: 19–32 [Камалова, Алла. "Духовность и святость в романе Евгения Водолазкина 'Лавр'." *Acta Polono-Ruthenica* 2018, no. XXIII/4: 19–32].
- Kovtun, Natal'ya. *Russkaya traditsionalistskaya proza XX–XXI veka: genesis, mi-fopoetika, konteksty: ucheb. posobiye*. Moskva: Flinta: Nauka, 2017 [Ковтун,

⁵⁷ Е. Абдулаев, *Литература «бородатая»...*, с. 216.

- Наталья. *Русская традиционалистская проза XX–XXI вв: генезис, мифопоэтика, контексты: учеб. пособие*, Москва: Флинта: Наука, 2017].
- Kucherskaya, Mayya. “Nesvyatyye svyatyue: Arkhimandrit Tikhon podaril chitatel'nyam skazku.” *Vedomosti* [Кучерская, Майя. “Несвятые святые: Архимандрит Тихон подарил читателям сказку.” *Ведомости*] <https://www.vedomosti.ru/lifestyle/articles/2012/12/28/nalevo_skazki_govorit>.
- Kucherskaya, Mayya. *Sovremennyy paterik: Chteniye dlya vpravshikh v unyuniye*. Moskva: AST, 2008 [Кучерская, Майя. *Современный патерик: Чтение для вправших в уныние*. Москва: АСТ, 2008].
- Kuffel, Józef. *Hezychazm Rusi Moskiewskiej. Metoda interpretacji na podstawie wybranych zabytków literatury przekładowej i oryginalnej*. Kraków: Wydawnictwo PROMO, 2013.
- Lebedushkina, Ol'ga. “Sheherekhada zhiva, пока...” *Druzhba narodov* 2007, no. 3 [Лебедушкина, Ольга. “Шехерехада жива, пока...” *Дружба народов* 2007, no. 3. 30.11.2021] <<https://magazines.gorky.media/druzhba/2007/3/sheherezada-zhiva-poka.html>>.
- Magliy, Anna. “Zhanrovoye svoeobrazie romana Yevgeniya Vodolazkina ‘Lavr’.” *Vestnik moskovskogo universiteta*. vol. 9. Filologiya, 2015, no 1: 181 [Маглий Анна. “Жанровое своеобразие романа евгения водлазкина ‘Лавр’.” *Вестник московского университета*. Vol. 9. Филология, 2015, no 1].
- Neklyudova, Ol'ga “Karta kontekstov. Roman Ye. Vodolazkina ‘Lavr’.” *Voprosy literatury* 2015, no 4: 119–130 [Неклюдова, Ольга. “Карта контекстов. Роман Е. Водлазкина ‘Лавр’.” *Вопросы литературы* 2015, no 4: 119–130].
- Nikolayev, Eduard, and Natal'ya Rotach. “Sotsiokul'tyrnyye aspekty starchestva i starcheskogosluzheniya.” *Otechestvennyy opyt* 2010, no 7: 140–143 [Николаев, Эдуард и Наталья Ротач. “Социокультурные аспекты старчества и старческого служения.” *Отечественный опыт* 2010, no 7: 140–143].
- Petrushevskaya Lyudmila. *Volshebnyye istorii. Zaveshchaniye starogo monaha*. Moskva: Eksmo, 2018 [Петрушевская Людмила. *Волшебные истории. Завещание старого монаха*. Москва: Эксмо, 2018].
- Rodnyanskaya, Irina. “Knizhnaya polka Iriny Rodnyanskoj.” *Novyy mir* 2004, no. 8 [Роднянская Ирина, “Книжная полка Ирины Роднянской”. *Новый мир* 2004, no. 8. 30.11.2021] <https://magazines.gorky.media/novyi_mi/2004/8/knizhnaya-polka-iriny-rodnyanskoj-4.html>.
- Rozanov, Vasilii. *Okolotserkovnykh sten*. Moskva: Respublika, 1995 [Розанов, Василий. *Около церковных стен*. Москва: Республика, 1995].
- Sinyavskiy, Andrey. *Ocherkrusskoj narodnoy very*. Moskva: Agraf, 2001 [Синявский, Андрей. *Очерк русской народной веры*. Москва: Аграф, 2001].
- Solntseva Alena. “Bol'shaya kniga: uvenchannyy ‘Lavr’.” *RIA novosti*, 27.11.2013 [Солнцева Алена. “Большая книга: увенчанный ‘Лавр’.” *РИА новости*, 27.11.2013. 30.11.2021] <<https://ria.ru/20131127/980106974.html>>.
- Thompson, Ewa. *Zrozumieć Rosję. Święte szaleństwo w kulturze rosyjskiej*. Transl. Litak, Eliza. Warszawa: Teologia Polityczna, 2019.
- “Top 10 novels about God”. *The Guardian*, 30.11.2021 <<https://www.theguardian.com/books/2017/dec/06/top-10-novels-about-god>>.
- Varlamov, Aleksey. “Dumayu, etot uspekhn bol'she nikem ne mozhet byt' povtoren.” *Russkaya narodnaya liniya*, 26.12.2012 [Варламов, Алексей. “Думаю, этот успех больше никем не может быть повторен.” *Русская народная линия* 26.12.2012] <<http://www.bigbook.ru/smi/detail.php?ID=14935>>.

- Vodolazkin, Yevgeniy. *Lavr. Neistoricheskiy roman*. Moskva: AST, 2017 [Водолазкин, Евгений. *Лавр. Неисторический роман*. Москва: АСТ, 2017].
- Vodolazkin, Yevgeniy. “Parizh ya lyublyu beskonechno — kak vsyakiy russkiy’. Besedovala K. Gulina.” RFI, 19.03.2018 [Водолазкин, Евгений. “Париж я люблю бесконечно – как всякий русский’. Беседовала К. Гулина”. RFI, 19.03.2018] <<https://www.rfi.fr/ru/rossiya/20180319-pisatel-evgenii-vodolazkin-parizh>>.
- Vodolazkin, Yevgeniy. “Shkola zlosloviya.” Efir, 26.06.2013 [Водолазкин, Евгений. “Школа злословия.” Эфир, 26.06.2013] <<https://www.youtube.com/watch?v=EbIZtY31bD8>>.
- Woźniak, Anna. “Russkij inok’, czyli o monastycyzmie w prozie Aleksego Riemi-zowa.” *Roczniki Humanistyczne* 1996, t. XLIV, no 7: 269–271.